

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

8/2018

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, дом 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов».
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12.

E-mail: dn52@mail.ru,
**http://magazines.russ.ru/
druzhba/**
LIVEJOURNAL: [http://druzhba-
narodov.livejournal.com/](http://druzhba-narodov.livejournal.com/)

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaomrk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.06.2018.
Подписано в печать 26.07.2018.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 9248. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Лев
АННИНСКИЙ
Ирина
ДОРОНИНА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Рамазан
АБДУЛАТИПОВ
Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Валентин
КУРБАТОВ

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Захар
ПРИЛЕПИН

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

Александр
ЭБАНОИДЗЕ

ЭЛЬЧИН

Мариям Арпентьева

Цифровые кочевники осваивают мир

Пребывающий в постоянном движении цифровой кочевник — «гражданин мира», «человек без корней» — одна из загадочных реалий современного мира.

Речь в данном случае идет о людях — журналистах, путешественниках, бизнесменах, все чаще и о студентах, — ведущих мобильный образ жизни. За ними уже закрепилось название «цифровые номады» или «кочевники», так как они постоянно меняют места проживания, а для выполнения своих профессиональных обязанностей и решения иных вопросов используют цифровые телекоммуникационные технологии.

Цифровой кочевник не понимает «мечты о родине», так как благодаря цифровым технологиям может находиться и, при необходимости, трудиться в любом месте. Правда, он при этом часто прибегает к «кочевой близости»: вопреки собственным декларациям о всепоглощающей «любви к новизне», предпочитает и поддерживает отношения со «старыми» знакомыми, что не мешает ему искать и находить собственные ответы на важнейшие вопросы жизни: прекращая «крысиные бега» в замкнутых пространствах, он заново открывает себя и мир. «Кочевники» — приверженцы и продолжатели сложившейся у предшествовавшего поколения «цифровых аборигенов» идеи *fun* как повседневного удовольствия и счастья. Они живут под множеством «флагов»: множественность идентификаций помогает им, интернационализовав все аспекты жизни, тем самым обогатить ее, повысить ее качество. Определенный вещный минимализм они сочетают с «жизнью по своим правилам», так достигая — рассчитывая достичь — идеала, в том числе идеала свободы и гармонии.

Цифровому номадизму близок феномен фриланса — удаленной работы и/или самозанятости. Фриланс — форма трудовой деятельности и жизнедеятельности в целом, мотивируемая ценностями личной и трудовой независимости. Особый вид фриланса — «электронная самозанятость» профессионалов, преимущественно работающих удаленно. Рынки труда для фрилансеров постоянно растут, аккумулируя значительный человеческий и социальный капитал, разрушая изоляцию культур и людей, усиливая их взаимосвязь.

Цифровые номады полагают, что стремятся к личной свободе. Однако это может быть стремление *от* чего-либо, *против* чего-либо и *для* чего-либо. В первом случае в мотивациях доминируют игнорирование и отрицание, во втором — отрицание и противопоставление, в третьем — установка на автономность и, одновременно, на интеграцию. Но все три варианта подчинены цели достижения и поддержания

Арпентьева Мариям Равильевна — руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

психофизиологического и социально-статусного благополучия, в том числе разнообразия, постижения себя и мира с разных сторон. В то же время, убегая от одиночества, «непонятости», «несвободы», «однообразия», «кочевник» не участвует в решении проблем, стоящих перед его народом, общностью, семьей, в конечном счете, и перед ним. Из-за этого он может оказаться в худшем, чем прежде, положении: попасть в серию конфликтных ситуаций, испытывать фрустрацию из-за того, что не удовлетворяются его претензии на собственную значимость и силу, уникальность и востребованность, на любовь окружающих. Все это трансформирует его личностную и социальную идентичность в маргинальную, расщепленную или лоскутную, гибридную.

Основная часть жизни «кочевника» протекает в мире виртуальных коммуникаций, из-за чего он нередко практически полностью утрачивает связь с «корнями», ассимилируясь там, где живет. К тому же, когда у человека нет постоянного дома, ему просто нечего бояться потерять; и в попытке доказать свою способность «справляться», быть успешным, жить без других, то есть доказать свою уникальность как независимость и силу, он готов — ему даже хочется — потерять всё, что можно. Впрочем, иногда формируется интегрированная транс-идентичность «человека вселенной», в ходе кочевания по миру, обмена значимыми моментами жизни с другими людьми «наращивающая» палитру способов жизнедеятельности. Причем модусы такого сближения зависят от его продолжительности. Для кратковременных циклов взаимодействия это будет модус «соприсутствие — включенность», для долговременных — модус «близость — отчуждение».

Вместе с тем цифровой номадизм альтернативен иному, по сути, всеобъемлющему, способу отчуждения — полностью виртуальным отношениям и контактам. Свойственные ему моменты соприсутствия, сотрудничества помогают «кочевникам» поддерживать более-менее нормальное социальное бытие даже тогда, когда основные составляющие бытия разделены весьма значительными пространственно-временными и культурно-историческими «расстояниями». Кроме того, частые путешествия, столь характерные для «кочевника», обеспечивают ему как социальному существу «доступ к своей части социального наследия».

Цифровой номадизм произведен от эпохи, названной Зигмунтом Бауманом «текущей современностью», — эпохи, в которой мы живем и в которой самое частное больше не является полностью личным, национальным, прочно связанным с определенной территорией и народом, их культурой. Поэтому цифровой номадизм и неперемное для него сетевое общение — как, впрочем, любое повседневное либо частое общение в интернете, — лишь дополнение к частному личному общению, а не его замена.

Изначально цифровой номадизм имел локальный характер: «кочевники» были жителями мегаполисов. С расширением беспроводных средств связи они появляются повсеместно. Постоянно улучшающиеся возможности передвижения и ненормированный рабочий график стимулируют мобильность типа «перекати-поля», а соответствующая ей идентичность формируется на основе идеологий и ценностей мировой информационно-коммуникативной сети. Между тем ни те, ни другие не отличаются целостностью и постоянством, сама субкультура «умной толпы» цифровых номадов становится супермобильной. Все это не может не влиять на базовые характеристики «кочевнической» идентичности: рано или поздно они нарушаются. Мало того, что мы становимся, как образно заметил З.Бауман, «свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости», — «кочевники» все чаще лишаются того самого «ума», которым многие из них явно или неявно гордятся, подвергаются деиндивидуализации, присущей «вульгарным» толпам.

Цифровое кочевничество — одно из следствий и причин активных изменений материальной и духовной культуры человечества, формирования в ней новых типов

идентичности, систем духовно-нравственных ориентаций, моделей общения. В отдельных регионах, например, там, где седентаризм¹ одной, большей, части населения сочетается с традиционными кочеваниями другой части, меньшей, и где миграции, таким образом, не нарушают целостности идентичности, цифровой номуадизм выражен слабо. В других регионах и при оседлости, и при постоянных перемещениях почти в равной мере происходит фрагментация идентичности, ее разрушение. Имеются в виду регионы, «изжившие» традиционные ценности под натиском глобализации и ее «вестернизированной» культуры «перекати-поля». Ярким символом этой культуры, авторитетным образцом жизненной стратегии и действенным орудием вестернизации является собственно вестерн: его сценарий предполагает бесконечный путь к лучшему, «своему» и отказ от всего «чужого», мешающего, вызывающего затруднения, от всех запретов. Между тем духовно-нравственное более, чем что-либо, основано на запретах и создает «затруднения». Однако его устойчивость даже в отдаленных регионах мира часто и быстро нарушается. Лишенная стабильных духовно-нравственных основ идентичность неустойчива, цифровой номуадизм становится одним из результатов этих метаний.

По прогнозам исследователей, геоклиматические, экономические, социально-политические и социально-психологические изменения в мире, включая трудовую и семейную миграцию и интернационализацию бизнеса, должны стимулировать рост численности «кочевников», разбухание номуадических потоков, становление развернутой системы в разной степени глобальных информационно-коммуникационных «хабов» планеты. В результате может радикально измениться расстановка сил на рынках труда и брака, структура поселений будет приведена в соответствие с новым стилем жизни. Изменения коснутся духовно-нравственной ориентации самих «кочевников», траекторий их мобильности, организации и масштабов мультикультурного взаимодействия и в реальной, контактной, и в виртуальной среде социальных сетей и коммуникативных платформ. При этом может возникнуть, да уже и возникает конфликт между цифровыми номуадами, перемещающимися в пределах одного-двух полисов/регионов, номуадами «глобальными», ищущими для себя место уже и в самых «заповедных зонах» мира, и людьми, привязанными к определенной территории и идентичности.

Обратимся к общей теории мультикультурных отношений. Исследователи отмечают, что «принадлежность мигранта расщеплена между опытом “домашнего очага” и “беспределом улицы”». Представители разных культур меньшинства и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, и ищут пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения или ассимиляции, который идет параллельно с рождением нового, «гибридного». У субъекта мультикультурного контакта — переходная (двойственная, «гибридизированная») идентичность, идентичность «между», «над схваткой». В ней отражается диалектика оппозиций «общность — необщность» с той или иной группой людей, той или иной нацией, религией, профессией, «принадлежность — непринадлежность» к ним. Особенно трудно процесс мультикультурного взаимодействия протекает там, где нация и ее идентичность длительное время подвергались масштабному игнорированию, где их бытие было скорее «инобытием» или «квазибытием», чем «самобытием». В такой ситуации формируется идентичность, лишенная нравственных опор, живущая ощущением тотального преследования.

¹ Седентаризм — от англ. «sedentary» (оседлый) — представления и стереотипы оседлого мира о кочевниках, которые легли в основу научного знания о кочевниках как о диких, нецивилизованных обществах, не способных производить что-либо самостоятельно.

Переживание преследования и связанное с ним «бегство» от реальности, от себя (своего) и от других (чужого), то есть от реальных отношений с собой и миром, всегда было одним из симптомов идентичности «человека без корней». Напротив, человек с корнями, хотя и нуждается в автономности, периодически пересматривает свою идентичность и принадлежность, реинтегрируясь в общество на тех или иных основаниях, направлен именно на реальность, стремится к глубоким и разносторонним отношениям с собой и миром. Наличие таких отношений — критерий социально-психологического здоровья, их отсутствие свидетельствует о его нарушениях, проблемах разной степени длительности и интенсивности.

Возвращаясь к цифровымномадам, отметим, что способы решения вопроса об их идентичности как индивидов и членов группы отражают старый спор между либералами и коммунитаристами о приоритетности и соотношении личной свободы и социальной принадлежности. Либералы утверждают, что индивид может свободно определять свое собственное понимание жизни, ибо разделяемый ими принцип примата личности над общностью предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять существующие культурные традиции и практики, то общность не обладает правом препятствовать их модификации или вообще отказу от них. Коммунитаристы же убеждены, что личность встроена в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он — результат социальных практик, а приоритет личной свободы ведет к разрушению общества. На наш взгляд, более продуктивен подход Сейлы Бенхабиб, которая ситуацию культурного плюрализма, поддерживающего, в частности, и феномен цифрового номадизма, определяет как наличие «радикального», «лоскутного», «мозаичного» мультикультурализма. Под ним она понимает сосуществование, совмещение в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы — подобно кусочкам смальты, составляющим мозаику. «Мозаичный», или «лоскутный» мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарную взаимность, добровольное самопричисление, свободу выхода и ассоциации.

Некоторые виды миграции, как «традиционной», так и «цифровой», в перспективе их вероятных долговременных последствий могут рассматриваться и как территориальная экспансия. На первый взгляд, миграция «кочевников» не обладает «захватническим» характером даже в потенциале. Ведь они не настолько многочисленны, как «обычные» трудовые мигранты; к тому же даже мелкие диаспоры нередко разбиты на подгруппы, различающиеся по некоторым особенностям языка или верований и находящиеся в сложных отношениях друг с другом. Самое главное, многие из «кочевников» опираются исключительно на личную идентичность. Не стоит, однако, забывать о быстром росте не так давно вообще отсутствовавшей совокупности «кочевников» и о том, что, хотя их личная идентичность вынесена за пределы обусловившего ее культурного поля, отщепилась от него, сформировалась она все-таки в лоне родительской культуры. Поэтому можно предположить, что в случае значительного усиления потоков цифровых мигрантов они внесут ощутимый вклад в размывание однородности того или иного государства, сформируют в пределах его территории очаги различных культур. Будет происходить «колонизация наоборот». Кроме того, цифровые номады — уже не потенциальные, а реальные субъекты *нетократии* — сетевой власти. Они активно вовлекаются в процессы овладения новыми формами управления, установления контроля не над материальными ресурсами, а над информационными, над капиталом не денежным, а человеческим.

Все же более вероятен иной вариант эволюции цифрового номадизма. А.И. Куропятник описывает его как «балансирование между полюсами “исключения” и “включения” иммигрантов в культурный контекст». Это вариант адаптации в форме «сдержанной интеграции», когда забота о сохранении культуры большинства не

мешает принятию культур меньшинств. В итоге может сформироваться общая региональная/гражданская/человеческая идентичность, препятствующая размыванию границ и традиций взаимодействующих культур с последующей утратой запретов и долженствований, налагаемых духовно-нравственными нормами культуры, а затем и с переходом к полному бескультурью.

Можно выделить три основных типа «кочевников».

Интегрированный тип, или человек вселенной. Его идентичность позитивна и целостна, он сохраняет связь с родной культурой и в то же время нацелен на установление связей с представителями иных культур. Кочевничество он воспринимает как фрагмент жизни, обусловленный целями саморазвития в профессиональной и учебной, досуговой и семейной сферах, как путешествие в страну смыслов и ценностей, к самому себе. Отношения, которые преимущественно строят люди данного типа, — это отношения поиска и любви, личностной значимости и соприсутствия.

Амбивалентный тип. Его идентичность маргинальна, двойственна, размыта, цифровой номадизм практикуется им как способ уйти от решения личных и социальных проблем. Для «кочевников» второго типа характерны ориентация на территориальную экспансию и поиск удовольствий, отсутствие структурированного представления о целях собственных перемещений, стремление жить по своим правилам, избегая ограничений повседневных обязательств. Их кочевничество в данном случае — способ существования, позволяющий сочетать обременительные и необременительные аспекты жизни: минимизировать ее напряженность и увеличить наслаждение ею. Это путь к удовольствиям — и путь от самого себя. Отношения таких людей в большей степени описываются как соприсутствие и включенность, чем как соприсутствие и личностная значимость.

Лоскутный тип, или человек без корней. У этого типа идентичность фрагментарна и негативна, он неспособен к построению прочных и глубоких отношений ни с людьми, окружающими его сейчас, ни с теми, от кого он когда-то ушел. Его номадизм выглядит как спорадическое перемещение «перекати-поля» в направлении, определяемом внешними по отношению к личности обстоятельствами. Кочевничество третьего типа есть не что иное, как способ удовлетворять желания, не обременяя себя обязательствами, как скрытый протест и несогласие с миром, путешествие против самого себя и мира. Ведущий модус отношений здесь — избегание, отказ от близости в форме значимых отношений и соприсутствия; вместо них — перманентное отсутствие «вечного путешественника».

Еще одна типология выстраивается по критерию различий в функции, предписываемой пространству «кочевниками». По этому критерию выделяются такие типы номадизма: «цифровое беженство», когда человек перемещается, чтобы уйти из мира обязательств и травм; «цифровой туризм» с целью структурирования времени и пространства жизнедеятельности; «цифровое путешествие» в мир иных смыслов, за самим собой и гармонией своего мира; «цифровые захваты» новых территорий, в первую очередь мест, где «не ступала нога человека», и мест, «похожих на рай».

Выделенные выше устремления «кочевников» определяют их особое отношение к себе и миру. Позитивные моменты творчества, развития, наслаждения жизнью сочетаются у них с потребительством, стагнацией, утратой культурной укоренности, разрывом или разрушением личностной и социальной идентичности из-за отказа от духовно-нравственных ориентиров, отождествления свободы с комфортом и отсутствием обязанностей.